
ДИСКУССИИ

DISCUSSIONS

УДК 81'42:81-116.3

DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-150-167

**О ПОНЯТИЙНОМ АППАРАТЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ГЕОРУСИСТИКА, «НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ВАРИАНТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА», СОЦИОРУСИСТИКА****Александр Н. Рудяков**Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования,
Российская Федерация

Статья посвящена анализу содержания термина «национальный вариант русского языка» с позиций георусистики, предполагающей перенос внимания с изучения единиц языка на русскоязычное глобальное пространство, возникновение которого обусловлено плюрицентричностью русского языка. Автор исходит из постулата, согласно которому русский язык существует в нескольких формах: «инвариант» и «варианты». Под инвариантом понимают «русский язык вообще», систему языковых единиц и отношений, формирующих качественную стабильность языка и его противопоставленность другим языкам-инвариантам; вариант — это форма реализации инварианта в определенных позициях.

В статье доказывается необходимость учета принципиальных отличий при рассмотрении русского языка как средства взаимодействия в рамках отдельного государства и обусловленного этим варьирования и явлений иного порядка, к которым относятся региональные отличия. Именно различия такого рода обуславливают адаптацию русского языка к тем условиям, которые сложились на территории отдельных государств и в которых протекает социальное взаимодействие носителей русского языка сегодня. В связи с этим в статье предлагаются теоретические основания для построения действующей и актуальной модели русского языкового мира, которая отражает специфику взаимодействия русского языка с другими языками и охватывает различные формы существования русского языка, которые в рамках предлагаемой системы описываются с позиции функционального тождества. При этом внимание сосредотачивается не на наборе выполняемых ими социальных функций, а на их роли в системе, которая заключается в представлении языка инварианта в конкретных социальных, региональных, исторических условиях.

Ключевые слова: *социорусистика, георусистика, русофония, инвариант, вариант, национальный вариант русского языка, языковая норма, функция*

ON THE CONCEPTUAL APPARATUS AND THE GNOSEOLOGICAL BASES OF MODERN LINGUISTICS: GEORUSISTICS, “NATIONAL VARIANTS OF THE RUSSIAN LANGUAGE””, SOCIORUSISTICS

Aleksandr N. Rudiakov

Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of essence of the term “national variant of the Russian language” from the perspective of georusistics, while shifting the main focus from studying language units to global Russian-speaking area, the emergence of which is determined by the pluricentricity of the Russian language. The author proceeds from the idea that the Russian language exists in several forms: “invariant” and “variants”. By invariant we mean “Russian language in general”, a system of linguistic units and relations that form the qualitative stability of the language and its contrast with other invariant languages; a variant is a form of implementation of an invariant in certain positions.

The paper proves the necessity of considering the fundamental differences of researching the Russian language as a tool of interaction within a framework of a particular state and the resulting variation and phenomena of different order, which also include regional differences. These differences in particular determine the ability of Russian language to adapt to the conditions that have developed on the territory of individual states and in which the social interaction of native Russian language speakers proceeds today. In this regard, the article proposes theoretical foundations for building a valid and relevant model of the Russian linguistic world, which reflects the specifics of the interaction of the Russian language with other languages and covers various forms of the existence of the Russian language, which, within the framework of the proposed system, are described from the position of functional identity. At the same time, attention is focused not on the set of social functions they perform, but on their role in the system, which consists in representing the invariant language in specific social, regional, historical conditions.

Keywords: *sociorusistics, georusistics, russophonie, invariant, variant, national variant of the Russian language, language norm, function*

Все великие истины начинались как кощунства.

Джон Бернард Шоу

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению нескольких проблем, находящихся, на мой взгляд, на стыке теоретической лингвистики и социолингвистики. Главная из них — преодоление существующих сегодня гносеологических ограничений, препятствующих, как представляется, изменениям в исследовательских установках русистов и обуславливающих относительно невысокую степень адекватности описания реальных языковых явлений.

В статье отражены — и это закономерно — этапы в высшей степени плодотворного сотрудничества автора с Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Сотрудничества, в большой степени обеспечившего теоретическое осмысление тех реальных ситуаций, с которыми мне довелось сталкиваться в ходе занятий «боевой русистикой» (так я именую род занятий лингвиста-теоретика, вовлеченного в политическую и законотворческую деятельность) в украинском и российском Крыму. Особо хочу отметить прекрасные конференции, которые регулярно проводятся Центром и предоставляют возможность увидеть российскую, и в значительной мере планетарную, языковую ситуацию (Международная конференция «Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтническом государстве», 2018 г., Москва; Международная конференция «Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование», 2019 г., Республика Бурятия, Улан-Удэ–Горячинск и др.).

Истоки нашего сотрудничества уходят в 90-е годы прошлого столетия, поэтому не случайно к участию в первых конференциях «Русский язык в поликультурном мире» (они организовывались как одно из мероприятий фестиваля «Великое русское слово»), проводимых в тогда еще украинском Крыму и посвященных развитию и функционированию русского языка в начале нового столетия, были приглашены В.Ю. Михальченко и М.В. Орешкина. И именно в этот период не в последнюю очередь под влиянием дискуссий, проходивших на конференциях, мною была осознана необходимость доказательства того факта, что украинский вариант русского языка существует объективно, следствием чего и стала разработка концепции георусистики.

Термин «национальный вариант языка», который используется в моих работах для характеристики современного состояния русского языка, в «Словаре социолингвистических терминов» (под ред. В.Ю. Михальченко) получил следующее определение: «Один и тот же язык, приобретший различия вследствие его развития в различных условиях, напр., на разных территориях, не связанных между собой. Может иметь литературную разновидность. Напр., французский язык Канады, французский язык Бельгии, немецкий язык в Германии и Австрии; английский язык в Англии и США» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 147]. И в момент знакомства с этой словарной статьей я отметил важный, с моей точки зрения, факт: в словаре российских авторов в качестве примеров не упоминаются в таком же контексте национальные варианты русского языка, которые, как представляется, сложились на протяжении нескольких последних десятилетий и широко функционируют за пределами России вне зависимости от того, признано их существование или не признано.

Национальные варианты русского языка также нашли отражение в упомянутом словаре, но определяются авторами с иной гносеологической позиции: «Специфические разновидности

русского литературного языка, возникшие в зонах активного контактирования русского и других языков, прежде всего на территории основных языков союзных республик СССР, занимающие, с точки зрения социолингвистики, промежуточное положение между национальными вариантами литературного языка и этнолектами. Различия с общепринятым литературным стандартом русского языка прослеживались как на лексическом уровне, так и на уровне орфоэпии, синтаксиса, стилистической системы. Среди русистов и социолингвистов существовали разногласия в том, как оценивать такие региональные варианты русского языка. Большинство лингвистов склонялось к мнению, что *Н.в.р.я.* нельзя узаконить и считать равноправными, таким образом, преобладала негативная оценка «местных» разновидностей («среднеазиатского», «кавказского», «прибалтийского» и др.) русского литературного языка, разрушающих его единство как средства межнационального общения, что потенциально могло вести к языковой дезинтеграции общества» [[Словарь социолингвистических терминов, 2006: 146](#)].

Мне, жившему и работавшему тогда в еще украинском Крыму, преподававшему русский язык в университете и работавшему над подготовкой и изданием школьных учебников по русскому языку, было невозможно согласиться с утверждениями, что я говорю на «испорченном» русском языке или даже «суржике». Я исходил из предположения, что являюсь носителем русского литературного языка, но в его украинском варианте, который имеет определенные отличия от российского.

Оказывается, некоторые объективно существующие явления и факты исследователю сложно увидеть, если он находится в ядерной, а не периферийной зоне русского языкового мира. Сегодня, уже 6 лет являясь носителем российского варианта русского языка, я прекрасно понимаю, что такое отчетливое осознание объективности и необратимости существования национальных вариантов русского языка могло быть очевидным для меня только при взгляде со стороны периферии русского языкового мира.

Поэтому не случайно термин «национальный вариант языка» применительно к русскому языку вызвал споры. Так, О.Г. Ровнова писала, что «при сопоставлении двух названий — «национальный русский язык» и «национальный вариант русского языка» – прилагательное «национальный» во втором сочетании оказывается ложно ориентирующим» [[Ровнова, 2010: 52](#)]; был ряд и других возражений такого рода как со стороны российских, так и со стороны украинских ученых. С этим сложно не согласиться. Но настораживает другое: обсуждение термина стало намного более важным, чем осмысление самого явления. Более того, лингвисты, наверняка слышавшие или даже читающие сегодня лекции о «внутренней форме» слова и говорящие студентам о том, что значением слова «медведь» не является «заведование медом», оказываются не в состоянии перенести это знание на иные слова и словосочетания. Неужели мысль о том, что словосочетание, в состав которого входит слово «национальный», может иметь значение, отражающее нечто, не имеющее ничего общего с нацией и национальным, настолько сложна и парадоксальна? А ведь даже толковый словарь указывает, что национальный — это «относящийся к данной стране, государству; государственный». Конечно, для науки предпочтительно использовать термин, избавленный от дополнительных ассоциаций. Но сделать это непросто.

Перейдем, однако, от обсуждения означаемого к сути вопроса.

Представляется целесообразным остановиться на том, каким образом в «Словаре социолингвистических терминов» объясняются причины возникновения национальных вариантов

(далее выделено нами): «Один и тот же язык, приобретший различия вследствие его развития в различных условиях, напр., *на разных территориях, не связанных между собой*» [[Словарь социолингвистических терминов, 2006: 147](#)] — и такое определение в статье «Национальные варианты русского языка»: «*Специфические* разновидности русского литературного языка, *возникшие в зонах активного контактирования русского и других языков*, прежде всего на территории основных языков союзных республик СССР...» [[Словарь социолингвистических терминов, 2006: 146](#)]. Как видим, в качестве основных причин возникновения «национальных вариантов» или «специфических разновидностей русского и других языков» указываются «разность территорий, не связанных между собой», с одной стороны, и «активное контактирование русского и других языков» — с другой. Существуют ли эти факторы в реальности? Несомненно. Являются ли они решающими для возникновения национального варианта языка? Нет, не являются, так же, как не является критерием существования такого рода разновидности языка официальность признания его существования (в этом отношении пример русского языка на Украине весьма и весьма показателен).

Но все по порядку. С моей точки зрения, очень осторожное определение «разные территории, не связанные между собой» в полной мере отражает господствующую в русистике точку зрения, но при этом в гораздо меньшей степени адекватно отражает современную нам реальность. Я имею в виду даже не степень «связанности между собой», а то очевидное для меня обстоятельство, что прочно закрепившееся в отечественной русистике традиционное разграничение социальных и территориальных диалектов, на мой взгляд, оказавшее влияние на анализируемую формулировку, требует сегодня не только обсуждения, но и уточнения.

Дело в том, что сегодня на нашей планете не осталось «территорий», воспринимаемых как «фрагмент поверхности суши». Сегодня территория всегда «социальна» и «государственна». Территория — «определенная часть земной поверхности, находящаяся под суверенитетом данного государства. Отделяется от территории других государств государственной границей» [[БЭС, Территория](#)]. (Кстати, и историю языка мы ведь изучаем по эпохам, а не «чистым» датам — время так же очеловечено и социально, как и пространство).

Поэтому главным триггером неотвратимости возникновения того феномена, который я за неимением иного именую термином «национальный вариант русского языка», является не территориальная разобщенность носителей русского языка, а тот неоспоримый факт, что не все они сегодня являются гражданами Российской Федерации. Многие оказались гражданами иных государств. Это означает, что русский язык, функция которого — предоставлять своим носителям необходимые средства номинации для всех мыслимых и немыслимых ситуаций социального взаимодействия [[Рудяков, 2012: 114–144](#)], не может не реагировать на изменения реальности. Изменения, не имеющие ничего общего с территориальной отнесенностью, изменения, связанные с тем, в какой стране живет носитель русского языка, гражданином какого государства он является.

В речи носителей русского языка, проживающих вне России, можно выявить достаточно большое количество случаев, когда одно и то же средство номинации используется в разных значениях (при сопоставлении российского и внероссийских вариантов русского языка). Для осознания этого факта необходимо рассматривать определенную ситуацию, в рамках которой проявляется отмеченная особенность. Для меня такой ситуацией стал «случай Вильгельма», о

котором я уже писал ранее.

В 2011 году меня пригласили принять участие в летней школе, организатором которой был университет им. Л. Гумилева в Астане. В качестве лекторов были приглашены ученые из разных стран: Украины, России, Латвии (подчеркну, что речь идет о жителях этих стран, а не об украинце, русском и латвийце). На протяжении недели нас возил в университет и на экскурсии водитель Вильгельм. И вот однажды один из нас сел на переднее сидение и не закрепил ремень безопасности. Вильгельм отреагировал на это следующим образом: «Нет проблем! Приготовьте штуку на штраф и не пристегивайтесь» [Рудяков, 2016: 35–38]. Восприятие этой ситуации, с моей точки зрения, очень наглядно иллюстрирует изложенные выше тезисы, потому что слово *штука* имело для всех присутствующих разное значение. Каждый соотнес это слово с соответствующим количеством привычных ему денежных единиц: «тысяча гривен», «тысяча рублей», «тысяча евро». При этом Вильгельм, несомненно, имел в виду тысячу казахстанских тенге.

Почему я неоднократно обращал внимание коллег на этот случай? Во-первых, благодаря этому примеру мы видим, что имеем дело не с «региональными вариантами». Отличия в значении слова «штука» в картине мира носителей русского языка являются не следствием их проживания в разных местах, а особенностями социальной жизни государств, к гражданам которых относятся участники описанной ситуации. Именно потребности в социальном взаимодействии в рамках государства в данном случае и обеспечивает русский язык, существующий как совокупность национальных вариантов. Во-вторых, мы видим, что объективная языковая реальность кардинальным образом отличается от мифологических представлений, все еще существующих в русистике и исходящих из тезиса, что есть правильное значение слова *штука* в русском литературном языке и есть неправильные, «испорченные» значения, которые обнаруживаются в речи жителей других стран, то есть за пределами России.

На самом деле, в данном случае следует говорить о том, что в системе русского языка, который выступает в качестве инварианта для всех форм (вариантов), функционирующих в пределах русскоязычного мира, существует языковое понятие *тысяча денежных единиц*. В разных государствах, в которых русский язык используется как средство социального взаимодействия, это языковое понятие (сигнификат, концепт) реализуется рядом номинативных единиц: тысяча + (название денежной единицы), тысяча, одна тысяча..., штука... После распада Советского Союза, в рамках глобального мира микрополе вариантов, выражающих эту семантему, расширилось за счет таких компонентов, как *тысяча российских рублей*, *тысяча советских рублей*, *тысяча гривен* на Украине, *тысяча белорусских рублей*, *тысяча тенге* в Казахстане, *тысяча евро*, *тысяча долларов*, *тысяча баксов* и др. В соответствии с этим увеличилось и число значений слова *штука*. Поэтому, если бы перед нами стояла задача сделать словарь, базирующийся на идеях георусистики, то словарная статья слова *штука* охватывала бы всю систему приведенных значений и средств их выражения. Именно такая словарная статья будет адекватно отражать глобальную реальность планетарного русского языкового мира, границы которого давно и безвозвратно не совпадают с границами РФ. Безусловно, для составления такого словаря необходимо провести огромную предварительную работу (в том числе и в плане разграничения разных типов вариантов языка, среди которых, конечно же, есть не только национальные), однако, с моей точки зрения, такая глобальная задача ставится перед нами сегодня, и следует начать работу в этом направлении.

Приведенные рассуждения обуславливают необходимость ответить на вопрос: если объективно существуют те феномены, для именования которых я использую «рабочий» термин «национальные варианты русского языка» и которые, по моему глубокому убеждению, закономерно и непреложно возникают в каждой стране, граждане которой используют русский язык в качестве инструмента социального взаимодействия, то в какой форме может быть представлен их инвариант? Это вопрос принципиальный, поскольку ответ на него разграничивает георусистику и традиционную русистику.

Во время работы над этой статьей и размышлений о термине «социорусистика» мне попала в Интернете посвященная обозначенной мною проблеме статья, фрагмент которой я с удовольствием здесь процитирую: «В советской социалингвистике русский язык союзных и автономных республик называли национальным вариантом» (в то время существовала оппозиция: русский язык — национальный (даже не инонациональный) язык), релевантным признаком которого являлась интерференция в неисконной речи. Его функциональный статус определялся как язык межнационального общения. В постсоветский период статусным характеристикам русского языка уделяется больше внимания, чем корпусным, и публицистичность в их описании заметно преобладает [Алпатов, 2000; Pavlenko, 2008]. В том, что до сих пор нет обозначения для русского языка за пределами исконной территории, в постсоветских странах, где он активно используется и имеет высокий статус – например, в Казахстане, Белоруссии, Кыргызстане, и в процессе регионализации все больше дистанцируется от «материкового» инварианта, сказывается терминологический дефицит социорусистики. Между тем в последние годы появилось новое определение русского языка — плюрицентрический. В начале 90-х годов прошлого века М. Клайн описал языки, которые отнес к плюрицентрическим, но русский язык он не включил в этот список. Плюрицентрическим считают язык, имеющий несколько стандартных версий, у каждой из которых есть свои кодифицированные нормы [Clyne, 1992: 1]. Такие языки характеризуются следующими признаками: «1) имеют несколько версий стандартного языка; 2) имеют несколько центров развития; 3) каждый центр имеет свою вариативность, свои собственные кодифицированные нормы; 4) они трансграничны; 5) частое несовпадение этнической и языковой идентичности носителей» [Шайбакова, 2016: 258].

Анализ статьи Д.Д. Шайбаковой показывает, что проблема, над которой я работаю уже на протяжении полутора десятков лет, постепенно привлекает внимание исследователей. Автор статьи указывает, что для русистов именно «материковый» инвариант воспринимается как точка отсчета для всех прочих форм существования, то есть российский русский априори признается «нормой», а прочие «русские языки», для которых, по мнению Д.Д. Шайбаковой, «нет обозначения», соответственно «отклонением от нормы».

Очевидно, на данном этапе возникает необходимость рассмотреть и определить сам феномен «инвариантности». И прежде всего отмежеваться от понимания инвариантности как способа классификации. В лингвистике он определяется как «структурная единица языка (фонема, морфема, лексема и др. — вне зависимости от ее конкретных реализаций)» [Жеребило, 2005: 84].

В моих работах понятие ‘инвариант’ выступает как атрибут уровневой модели языка, в рамках которой выделяются различные степени языковой абстракции. Я абсолютно уверен, что последовательное разграничение исследователями форм существования языка и его единиц

позволило бы избежать множества лингвистических споров, противоречий и недоразумений.

Речь идет о развитии сосюрговской дихотомии «язык – речь», о так называемой трехуровневой модели языка, предполагающей существование, в терминах Ю.С. Степанова, уровня наблюдения, уровня типов и уровня конструкторов [Степанов, 1966]. Необходимо особо отметить, что эта модель не соотносится с членением языка на ярусы (фонологию, морфологию, лексикологию и синтаксис). Выделение указанных трех уровней языка, по Ю.С. Степанову, опирается на их соотнесенность с тремя категориями диалектики: единичным, особенным и всеобщим: «Объекты действительности обладают своеобразием, благодаря которому они отличаются друг от друга. Поэтому каждый отдельный предмет воспринимается как нечто *единичное*. Однако уже элементарная практика обнаруживает в этих объектах повторяющиеся признаки. Единичное оказывается обладающим и общими чертами. Общие черты и свойства присущи или только узким группам объектов, и тогда они выступают как *особенное*, или всем предметам и явлениям, и тогда они являются *всеобщим*» [Философский словарь, 1983: 127].

Для Ю.С. Степанова разграничение уровней является одним из важнейших положений при изучении и описании языка: «...каждый человек, ставящий себе целью научно познать язык, должен отдавать себе отчет, в каком отношении он членит язык, т. е. какова его точка зрения на предмет» [Степанов, 1966: 7]. Этот постулат необходим для того, чтобы избегать типичных для нашей науки ситуаций, когда наблюдения, сделанные на каком-либо одном уровне языка, например, речи, абсолютизируются и распространяются на весь язык. Следование предложенному разграничению, его осознание как ключевого компонента лингвистического мировосприятия дает блестящие результаты. Одним из наиболее ярких примеров такого рода являются работы Ж.П. Соколовской [Соколовская, 1990].

Споры о различии между языком и речью являются не только неотъемлемым атрибутом лингвистических исследований, за ними стоят совершенно разные взгляды на суть этих феноменов, поэтому не случайно Алан Гардинер подчеркивал, что постулируемое различие «рано или поздно станет неизбежной основой всякого научного изучения грамматики» [Гардинер, 1960: 13]. Размышления над историей этих споров и наблюдения над языковым материалом привели меня к убеждению, что, говоря об уровнях языка, мы говорим о его *формах существования*. Применительно к уровневой модели языка это означает, что естественный язык не состоит из системы, нормы и речи. Естественный язык существует как речь, как норма и как система. Наверное, лучшим путем для пояснения этой идеи, являющейся краеугольной для функциональной лингвистики в моем понимании [Рудяков, 2012], являются аналогии.

Так, если рассмотреть относительно трехуровневой системы феномен *Homo sapiens*, то единичному будет соответствовать индивид; особенному — то или иное объединение людей (социум, раса, нация...), в форме которых существуют типы людей; всеобщему — человечество как предельная форма существования Человека вообще. Эти формы бытия Человека образуют своего рода иерархию инвариантов, высшим из которых является *Homo sapiens*, очерчивающий границу, разделяющую людей и нелюдей. Вариантами этого инварианта являются типы *Homo* — расовые, национальные, социальные, возрастные и т. п. Каждый из подобных типов, в свою очередь, является инвариантом по отношению к множеству манифестирующих его индивидов, каждый из которых уникален и неповторим *в пределах своей человечности* и принадлежности к тому или иному человеческому типу. Каждой форме существования Человека

ка соответствует специфическая *форма существования* Языка. Несколько упрощая картину, скажем, что индивид располагает идиолектом, нация — национальным языком, Homo sapiens — Языком вообще, являющимся инвариантом по отношению ко всем существующим так называемым «конкретным языкам». Именно набор существенных признаков этого явления — набор универсалий — очерчивает границы того множества, элементы которого мы можем смело именовать языками.

Для пояснения этой идеи можно привести и другие аналогии. Конечно, как говорят, всякая аналогия хромает, но все же она позволяет наглядно продемонстрировать важные для исследователя закономерности.

Итак, представьте себе, что в вашем дворе растет дерево, например, береза (конкретная, единичная береза). Вы любите свою березу, заботитесь о ней, считаете ее образцовой, но в какой-то момент обнаруживаете, что в мире существует и другие березы, которые отличаются от вашей: они ниже или выше, у них меньше или больше ветвей, их листья и кора немного иного цвета. Поскольку эти березы не соответствуют известному вам эталону, вы решаете, что ваша береза правильная, а все остальные являются отклонением от нормы (все эти березы — это «суржик»). Соответственно, люди, у которых эти березы растут в лесах и дворах, должны осознать, как важно выращивать «правильные» березы, а не лелеять «нестандартные» деревья. Однако «неправильные» березы и не могли вырасти такими же, как ваша «идеальная», поскольку росли в иных условиях: не так светило солнце, мешали другие деревья, было больше или меньше дождей и т. д. При этом их отнесенность к березам несомненна (они не являются дубами или соснами). Тогда, может быть, проблема заключается в том, что ошибаетесь вы, считая, что все березы, кроме вашей, не соответствуют норме?

Этот ряд аналогий можно дополнить (здесь уместно вспомнить о «мисс лошади», которую приводил в пример В.М. Солнцев [Солнцев, 1971: 213–214], демонстрируя принцип инвариантности); и все они ясно показывают, что нельзя абсолютизировать что-то единичное: отдельный дом, отдельную березу, один из вариантов языка. За множеством единичных берез всегда скрывается то, что условно можно назвать «береза вообще». Ее нельзя увидеть и потрогать, это абстракция, такая же, как «человек вообще», «язык вообще» и так далее.

Таким образом, приведенные аналогии позволяют перейти к очень важной мысли: береза, растущая в соседнем с вами дворе и не похожая на вашу, — это не ошибка и не искажение, потому что ваша береза не есть эталон или образец, с которым сравниваются остальные: она является всего лишь одной из множества деревьев этого вида. Все остальные реализации «березы вообще» — это ее воплощения в других условиях, к существованию в которых дерево должно приспособиться, не утрачивая при этом свою инвариантность.

Следствием двух различных подходов к определению березы являются два разных варианта науки о ней. Один из них абсолютизирует единичное, вариант, по отношению к которому прочие единичные объекты рассматриваются как отклонения от нормы. Однако такой подход приводит к явному искажению реальности. И здесь мы вновь должны вернуться к языку.

Есть «язык вообще». Это способность «человека вообще». «Язык вообще» существует в виде множества языков: русского, английского, китайского, испанского, вьетнамского, хинди... Эти языки совсем разные, и в то же время между ними есть принципиальная общность: каждый из них — язык. И именно изучением «языка вообще» занимается общее языкознание.

Есть в свою очередь «русский язык вообще». «Русский язык вообще» образует на нашей планете огромный глобальный мир русского языка. Этот мир активно взаимодействует с другими глобальными и локальными языковыми мирами. С китайским, английским. У нас в Крыму — с крымскотатарским и украинским. И как «береза вообще» и «дом вообще» не могут быть одинаковыми в разных уголках нашей планеты, так и «русский язык вообще» вынужден варьироваться и несколько видоизменяться в зависимости от тех условий, в которых оказывается. Каковы эти условия? В меньшей степени погодные и ландшафтные, хотя и они определенным образом влияют на язык, в максимальной степени — социальные и политические. Решающее значение имеет то, в каком государстве, в какой стране «русский язык вообще» должен удовлетворять потребность в социальном взаимодействии своих носителей. Поэтому глобальный русский языковой мир состоит из множества реализаций «русского языка вообще» во множестве стран. В то же время очевидно, что центральной реализацией является российский вариант русского языка.

И главное отличие георусистики от традиционной русистики, которое георусистику и делает русистикой XXI века, заключается в том, что для георусистики инвариантом является «русский язык вообще», тогда как для русистики инвариантен «российский русский». И это краеугольный пункт, из которого следуют многие серьезные выводы и который аккумулирует многие теоретические предпосылки георусистики.

На самом деле отмеченная мною разница проявляется достаточно регулярно и последовательно, но, чтобы обратить на нее внимание, нужно освободить свое видение от стереотипов и мифов, которыми, к несчастью, переполнена традиционная русистика.

Приведу случай из личного опыта. Работая на кафедре РКИ Симферопольского университета, я принимал экзамен по русскому языку у студента из Лаоса, звали его Сайтхонг. После его ответа на вопросы билета мы побеседовали о сложностях изучения русского языка, одной из которых было наличие определенных звуков. Сайтхонг произнес их как три мягких «с». Разумеется, хотел он произнести [ц], [ч'] и [ш].

И если раньше я рассказывал эту историю как некий лингвистический анекдот, то после открытия для себя георусистики, я рассказываю эту историю совсем иначе. Потому что раньше я считал такое произношение наших аффрикат и такой акцент в произношении наших аффрикат и шипящего ошибкой, над устранением которой нужно было работать тем, кто хочет правильно говорить на русском языке. Но сегодня я, во-первых, понимаю, что не всякий русский язык на нашей планете должен быть и способен быть абсолютно похожим на российский русский, функционирующий в нашей великой стране, а во-вторых, я понимаю, что в том варианте русского языка — «русского языка вообще», который возникает в ходе его усвоения носителями языка лао, есть свои специфические особенности, которые не есть ошибки и испорченности. Да, лаотяне не портят русский язык, они его «олаотянивают» (здесь я вспоминаю слово, которое придумал в Шанхае на конгрессе МАПРЯЛ; ко мне после моего выступления подошел китайский коллега и спросил, согласен ли я с тезисом, что китайцы портят русский язык; нет, конечно, ответил я: вы русский не портите, вы его «окитаиваете»!).

Сегодня я с полной ответственностью утверждаю, что в лаосской реализации русского языка русская фонема (заметьте, русская, не российская!) <ц> может быть реализована не только звуком [ц], но и мягким [с']. И это для лаосского варианта русского языка нормально,

это не ошибка. (Примечательно также, что если мы обратимся к фактам русской диалектологии, то сможем привести больше случаев, иллюстрирующих, например, существование безаффрикатных говоров, в консонантных системах которых фонемы <ц> и <ч'> реализуются звукотипами [с] и [ш'] соответственно [Малахов, 2013: 24]. Такое произношение считается диалектологами нормативным для ряда говоров Орловской, Курской, Брянской областей, следовательно, при анализе фонетической системы русского национального языка обнаруживаются такие ряды звукотипов, которые значительно расширяют наше представление о формах реализации отдельных фонем. Мы не считаем это порчей языка, говоря о диалектах, но почему-то принято считать такие типичные факты речи порчей языка, если речь идет об акцентах, где наблюдаются сходные явления.

Нужно понимать суть того феномена, который мы именуем словом «акцент». Акцент — это непреодолимое сопротивление системы родного языка усвоению системы нового. Это тот последний рубеж, преодолеть который могут единицы. Поэтому, при всем уважении и любви к российскому варианту русского языка, считать все остальные его варианты испорченными, с моей точки зрения, просто неразумно.

Приведенный пример показывает то, как должно измениться видение подобных случаев в георусистике. Ускорить это преобразование, на мой взгляд, нас заставляют и потребности формирования нашей внешней языковой политики. Лаос — далеко. И лаосский вариант русского для нас не так актуален. А вот украинский вариант русского языка, о котором я писал много раз и много лет, до сих пор остается феноменом, вызывающим ожесточенное отрицание со стороны украинских националистов и, что для меня крайне странно, отечественных русистов. И когда российский лингвист позволяет себе говорить, что на соседней Украине все говорят на «суржике», это не способствует укреплению наших добрых отношений с русскоязычной частью граждан соседнего государства.

Я заговорил об этом сразу после изложения «случая Сайтхонга» в связи с тем, как в российском и украинском русском оценивается произношение на месте [г] взрывного [γ] фрикативного. Начну с того для меня очевидного факта, что фрикативный [γ] является принадлежностью русского звукового строя. Это не заимствование из украинского языка, как думают многие. Фрикативный [γ], по нашим (то есть нормам российского варианта русского языка) орфоэпическим нормам, должен звучать в русских словах «Бог», «бухгалтер», «ага», «ого» и подобных. В украинском варианте русского языка ситуация иная. Я вернусь к ее обсуждению позже.

Возникает вопрос: закономерно ли, что в отдельном от России государстве возникает не совпадающий с российским русским вариант «русского языка вообще»? Да, конечно, закономерно. Иная реальность, иная степень интенсивности взаимодействия двух языков, влияния украинского языка, близкородственного, и потому активно внедряющего свои формы в речь русскоязычного населения Украины. Можно ли считать эту украинскую реализацию «русского языка вообще» ошибкой и порчей русского языка? Как показывает практика, к сожалению, можно. Но как раз это мнение и является ошибочным.

Проблема в том, что, даже согласившись с тем, совсем для них безусловным, тезисом о закономерности и оправданности «окитаивания» и «олаотянивания» русского языка в Китае и Лаосе, многие из моих коллег восстанут против тезиса о закономерности и оправданности «обукраинивания» русского на Украине. Но это так! Русский язык, вынужденный обслуживать

социальное взаимодействие своих носителей в нероссийской действительности, которая закономерно возникает в иной стране, в ином государстве, закономерно же видоизменяется и, оставаясь русским по своей сути, приобретает некоторые нероссийские черты: фонетические, лексические, грамматические.

Вообще, по моим ощущениям — острым, как у человека, который совсем недавно оказался в центральной части русскоязычного мира, а до этого ощущал себя носителем языка национального меньшинства на Украине, — представление о структуре и системе отношений между формами русского языка в рамках мира у определенной части русистов можно уподобить системе представлений об устройстве солнечной системы до Галилея. Как известно, с точки зрения Птолемея, эта система была геоцентрической, то есть звезды и иные небесные тела вращались вокруг Земли. Подчеркну, что такая система научных взглядов вполне объяснима с позиции присущего человеку антропоцентризма, хотя она не соответствовала реальности, что и было доказано впоследствии.

Не знаю, насколько эта аналогия с точки зрения читателя соотносится с содержанием статьи, но я убежден, что такая модель русского языкового мира (его также можно именовать «Русофония»), когда нормативным признается только русский литературный язык в его российском варианте, а все прочие формы русского языка, возникающие и функционирующие в других частях русского языкового мира в соответствии с общими лингвистическими закономерностями, рассматриваются априори как разные степени отклонения от норм и неcodифицированные, что подчеркивают их наименования (суржик, трясанка и прочие) с отчетливой негативной коннотацией, по своей сути является «птолемеевской», то есть характерной для этапа науки, на котором господствует метод непосредственного наблюдения. Однако если следовать логике русистов-«птолемеевцев», то мы должны сделать вывод, что многочисленные носители русского языка (в том числе и его литературной формы), которые в результате политических трансформаций оказались за пределами России, одновременно стали говорить на нелитературных формах языка. Такой мир организован «по-птолемеевски» просто: в качестве инварианта принимается некая точка отсчета, которой является русский литературный язык в его российском варианте, нормированный, кодифицированный и т. д. Все отклонения от нормы, включая варьирование, обусловленное объективными причинами, о которых достаточно много сказано выше, — относятся к разряду ошибок, влиянию разговорной речи, варваризмов и т. д. Для такой системы актуальным остается стереотип: дихотомия «норма и варианты», в которой последний компонент всегда противопоставлен первому и является видоизменением нормы. При этом господствующим этот стереотип сегодня оказывается не столько в лингвистическом общественном сознании, сколько в сознании носителей русского языка вообще.

Безусловно, сама по себе описанная схема языкового мира имеет право на существование, однако у нее есть существенный минус: эта система представлений настолько же далека от реальности, как и геоцентрическая система Птолемея по сравнению с гелиоцентрической системой Галилея. И главная проблема в том, что она, очевидно, препятствует разработке и внедрению не только соответствующей нашей сложной эпохе методике преподавания русского языка, но и внешней языковой политики.

Хочу подчеркнуть еще раз, что, именуя определенную теоретическую систему «птолемеевской», я не вкладываю в эту номинацию никакой отрицательной оценки. Само по себе опре-

деленное видение объекта не является хорошим или плохим, поскольку оно есть закономерный этап в развитии человеческих и научных представлений об устройстве мира. Но наука не может стоять на месте, и для русистики очень важно преодолеть этот этап. Необходимость в этом назрела давно во всех сферах функционирования русского языка. Для модернизации этой модели, на мой взгляд, и возникает георусистика, которая должна дать начало движению в этом направлении.

Обобщим изложенное выше.

Необходимо учитывать, что русский язык, как, впрочем, и иные реалии в человеческом мире, существует в нескольких формах. Во-первых, это «русский язык вообще», который выступает в качестве инварианта по отношению ко всей системе реализаций русского языка в конкретных социальных, региональных, политических условиях. Именно эта форма («русский язык вообще») противопоставлена прочим — «нерусским» языкам-инвариантам — китайскому, немецкому, английскому и т. д. Она представляет собой некий комплекс универсалий, фиксирующих «русскость» языка. Во-вторых, это множество функциональных вариантов инвариантного русского, которые естественным образом возникают и существуют в конкретных государствах, регионах, социальных и территориальных группах. При таком подходе мы имеем дело с достаточно сложной для восприятия и понимания категорией функционального тождества, в рамках которой группа реалий, различаясь субстанционально (то есть, иначе говоря, лексически, семантически, морфологически), сохраняет функциональную тождественность. Это значит, что все территориальные диалекты, социолекты, региолекты, а также национальные варианты русского языка (существование которых вызывает наибольшие сомнения у ученых) — функционально тождественны, поскольку по своей сути они все являются реализациями инвариантного русского в тех или иных позициях (условиях). Здесь уместно вспомнить определение фонемы как ряда позиционно чередующихся звуков, данное М.В. Пановым, поскольку в этом определении речь также идет о функциональном тождестве: вторая форма существования русского языка представляет собой «ряд» позиционно чередующихся вариантов. В качестве «позиции» в данном случае выступают уже упомянутые общности разного типа, в рамках которых функционирует русский язык.

Подобные функциональные тождества окружают человека на протяжении всей жизни, но нередко игнорируются лингвистами. Чтобы наглядно продемонстрировать присущие тождествам закономерности, я всегда привожу самые простые примеры. Мелок, гусиное перо, шариковая ручка, принтер — эти предметы совершенно различны по своим природным свойствам (цвет, материал, размеры), но они обладают тождественной функцией, поскольку предназначены для графической фиксации устной речи в разных ситуациях (то есть в качестве «позиции» для них выступают учебная доска, пергамент, лист бумаги и др.). Этот ряд «позиционно чередующихся» орудий письма можно продолжить, включив в него различные подручные средства (например, палку, которой можно писать на песке). Как бы то ни было, появление того или иного функционального варианта каузируется позицией, в которой он используется! Это, на мой взгляд, закон, отражающий функциональные закономерности нашего мира. Применительно к русскому языку это означает, что если в рамках русского языкового мира сформируются условия для возникновения новой «позиции» (например, появление нового государства), то это закономерно приведет к формированию и развитию еще одной реализации «русского языка во-

обще». Иными словами, если на политической карте планеты появится новая страна, граждане которой будут использовать русский язык в качестве средства социального взаимодействия, то эта ситуация обусловит возникновение новой формы существования (нового варианта) инвариантного русского: нового «национального варианта русского языка».

Представляется, что рассмотрение феномена «русского языка вообще» как абстрактной системы, которая складывается из универсалий, формирующих общие особенности языка относительно других подобных систем и, во-первых, противостоящего в этом качестве всем прочим языкам; и, во-вторых, являющегося инвариантом по отношению к реально существующим формам, которые включают социальные, территориальные, региональные и национальные варианты, вызовет меньше споров и возражений, чем устройство русского языкового мира, охватывающего все названные компоненты. Еще раз повторю, все эти компоненты функционально тождественны. При этом имеется в виду не набор выполняемых ими социальных функций, а их роль в мире, которая заключается в представлении языка инварианта в конкретных социальных, региональных, исторических условиях.

Национальные варианты английского отличаются от британского не потому, что австралийцы или канадцы его исказили. Наверное, для некоторых форм английского языка за пределами Британии есть также уничижительные наименования, но мне не удалось найти в сети британские аналоги наших наименований для собственно национальных вариантов языка. Это, безусловно, не значит, что их не существует, но частотность использования все же не так велика. Этот ряд примеров можно продолжить: немецкий, испанский, французский языки имеют свои национальные варианты во всем мире, и этот факт является общепризнанным лингвистами. Несколько десятилетий не подвергается сомнению и тезис о том, что национальные варианты полинациональных языков равноправны, функционально тождественны и что они не являются отступлением от общих для них всех норм. Более того, в России ведется активное исследование региональных форм русского языка. Но по-прежнему вопрос о реализациях русского языка в разных странах вызывает дискуссии, в результате которых часто получается, что все языковые миры планеты живут по одним законам, а русский языковой мир — по другим.

В итоге на первый план в русистике выходит тезис о том, что именно русский литературный язык занимает центральное место в Русофонии. При этом он, к сожалению, выступает как точка отсчета для всех остальных форм, а не как российский вариант инвариантного русского, существующий наряду с белорусским, казахстанским, украинским, эстонским и другими реализациями, то есть как некий эталонный образец, всякое изменение которого, пусть даже обусловленное объективными факторами (другая страна, активное взаимодействие с другими языками и др.), недопустимо и должно пресекаться. Поэтому за пределами внимания русистов могут оказаться весьма любопытные факты, например, взаимовлияние реализаций русского языка (как можно объяснить широкое использование в российском русском формы «в Украине», которая, по моим наблюдениям, сегодня доминирует в дипломатической сфере?). Безусловно, невозможно отрицать, что именно российский русский является основным вариантом инвариантного русского, но при этом не стоит отрицать, что для осуществления социального взаимодействия за пределами России русский язык должен меняться в соответствии с условиями его функционирования.

Еще сложнее в системе «птолемеевских» взглядов признать, что любой национальный ва-

риант среди своих реализаций (территориальных и социальных) включает в себя и такой социальный диалект, как литературный язык, нормы которого, несомненно, будут отличаться от норм соответствующего российского социального диалекта (такое определение литературного языка находим у М.М. Маковского [Маковский, 1982: 7]), который традиционно именуется «русский литературный язык» без указания на его государственную принадлежность.

Следовательно, для русистики важно начать изучение норм русского литературного языка в зависимости от страны его функционирования. Ведь представление о существовании двух разновидностей нормы — московской и ленинградской, — явно не соответствует современным реалиям и отражает исторические условия прошлого века, когда варьирование русского языка было намного менее интенсивным прежде всего потому, что русский язык обеспечивал социальное взаимодействие в рамках единого государства. Поэтому обсуждение ряда проблем, связанных с понятием нормы, сегодня должно учитывать два обстоятельства. Во-первых, нам необходимо видеть некоторую мифологичность самого феномена нормы русского литературного языка, существование которой в большей степени декларируется, поскольку социальная ценность соблюдения норм в современном социуме не очень велика. Во-вторых, следует понимать, что сегодня русский язык в силу известных исторических катаклизмов стремится к совершенствованию в том смысле, о котором писал Николай Крушевский, к все более полному соответствию «мира слов миру понятий» [Крушевский, 1883]. Это соответствие языковой картины мира реальности, существующей в том или ином государстве, является важнейшим условием для того, чтобы русский язык смог обеспечить социальное взаимодействие своих носителей в новых, отличных от российских условиях. В описанной ситуации положение о сосуществовании только двух норм становится еще одним препятствием для релевантного восприятия закономерностей функционирования русского языкового мира. Нужно подчеркнуть, что лексические и грамматические отличия далеко не всегда доступны непосредственному восприятию и поэтому иногда представляются незначительными, однако речь идет в первую очередь о различиях в «картинах мира», фиксируемых и отражаемых вариантами русского языка в разных странах. Таким образом, следует признать, что нормы русского языка сегодня носят глобальный характер и не могут быть описаны в рамках одной страны, пусть даже такой великой и мощной, как современная Россия.

Сложность восприятия и осознания многих объективно существующих вещей производна еще и оттого, что непосредственное наблюдение «русского языка вообще» в принципе невозможно. Он всегда дан носителю и исследователю сквозь призму того или иного «национального варианта», как бы мы этот феномен ни именовали. Поэтому абсолютизация и канонизация явлений, присущих «моему» или, скорее, «нашему» варианту (или разновидности, или реализации языка), объяснима и закономерна. И тем не менее они должны быть преодолены в ответственном научном описании. Иначе архаичные представления об устройстве русского языкового мира будут по-прежнему существенно затруднять не только формирование адекватной научной картины в языкознании, но и формирование внешней языковой политики.

В связи со сказанным я вижу несколько насущно необходимых следствий теоретической георусистики.

Во-первых, осознание своевременности оптимизации нашей внешней языковой политики. Я убежден в том, что следует начинать внимательное и объективное описание тех разновид-

ностей русского языка, которые существуют и развиваются вне России. Описание не в качестве неких языковых казусов, не в качестве «испорченных вариантов» российского русского. А описание в качестве «собратьев» российского русского, находящихся с ним в сложном системном взаимодействии, которое не имеет ничего общего с «порчей» и о котором мы ничего, по сути дела, не знаем. Так, в процессе изучения речи носителей русского языка, живущих за пределами России, мы будем иметь дело не с диалектами российского русского, а с соответствующими разновидностями национальных вариантов русского языка, существующих объективно, независимо от того, признает ли его официально соответствующее государство.

Во-вторых, мне кажется, что нашей социолингвистике следует двигаться в направлении осознания себя в большей степени именно как «социорусистики», уделяя внимание изучению не только множества существующих языков, но и тому, в каких формах и разновидностях существует сегодня русский язык. Я имею в виду прежде всего определение таких социальных по своей сути «диалектов», четкое понимание которых насущно необходимо: «литературный язык», «государственный язык», «родной язык» [Рудяков 2019].

Нам, конечно, будет необходимо проделать серьезную интеллектуальную работу по принципиальному изменению отношения к феномену взаимодействия языков и к обусловленной глобальностью современного мира необходимости в качестве объекта всякой частной лингвистической дисциплины видеть не язык, но творимый им глобальный языковой мир. Для этого следует построить действующую модель русского языкового мира, которая должна, на мой взгляд, максимально точно представлять весь спектр взаимодействий русского языка с языками-партнерами (принципиально важно, чтобы это взаимодействие рассматривалось не как источник потенциальных «порчей» и «коверканий», а как ресурс для совершенствования русского языка), которые должны быть тщательно и пристрастно осознаны с функциональной (прагматической) точки зрения.

Множество языков, с которыми русский язык взаимодействует, включает в себя не только и не столько родственные языки, сколько языки-конкуренты, языки-союзники, языки-аутсайдеры, языки-лидеры, языки-попутчики, языки-соратники, если угодно. Сила и мощь русского языка в этой системе неоспоримы. Проявляются они в его способности успешно обеспечивать социальное взаимодействие своих носителей в самых разных ситуациях, в самых разных странах. Но при этом остальные языки выступают не как соперники, а как соратники — с точки зрения усиления наших позиций в глобальной планетарной межъязыковой конкуренции. Поэтому каждый из них требует особой осознанной и в высшей степени деликатной языковой политики. А для этого нужно осознать, что языковые миры живут по одинаковым законам, а формы существования языков являются основой для их развития, а не стагнации.

Литература

- БЭС Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com>. Дата обращения: 28.09.2020.
- Гардинер А. (1960) Различие между «речью» и «языком». В кн.: В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение. С. 13–19.
- Жеребило Т.В. (2005) Словарь лингвистических терминов. Изд-е 4-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим». 610 с.

- Крушевский Н.В. (1883) Очерк науки о языке. Изв. и учен. зап. Имп. Казан. ун-та. Казань, Т. X. Январь-Апрель.
- Маковский М.М. (1982) Английские социальные диалекты (онтология, структура, этимология). М.: Высшая школа. 135 с.
- Малахов А.С. (2013) Русская диалектология: теория и практика. Владимир: Изд-во ВлГУ. 234 с.
- Ровнова О.Г. (2010) Идеи георусистики глазами диалектолога. Георусистика. Первое приближение. Под редакцией А.Н. Рудякова. Симферополь: Антиква. С. 50–68.
- Рудяков А.Н. (2016) Георусистика: русский язык в глобальном мире. М.: ЛЕКСПУС. 2016.
- Рудяков А.Н. (2019) Государственный язык и родной язык: время определить понятия. Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. Материалы Международного круглого стола (Москва, 05-06 ноября 2019 г.). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2019/2019_crimea_collection.pdf. Дата обращения: 28.09.2020.
- Рудяков А.Н. (2012) Язык, или почему люди говорят: опыт функционального определения естественного языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта. 161 с.
- Словарь социолингвистических терминов (2006) Под ред. В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 313 с.
- Соколовская Ж.П. (1990) Проблемы системного описания лексической семантики. К.: Наукова думка. 183 с.
- Солнцев В.М. (1971) Язык как системно-структурное образование. М.: Наука. 294 с.
- Степанов Ю.С. (1966) Основы языкознания. М.: Просвещение. 274 с.
- Философский энциклопедический словарь. Гл. ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия. 840 с.
- Шайбакова Д.Д. (2016) Является ли русский язык плюрицентрическим? PRZEGLAD WSCHODNIOEUROPEJSKI VII/2. P. 257–268.

References

- Bol'shoj enciklopedicheskiy slovar'. Available at: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com>. Access date: 28.09.2020. (In Russ.)
- Gardiner, A. (1960) Razlichie mezhdru «rech'yu» i «yazykom». In: V.A. Zvegincev. Istorija yazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah. P. 2. Moscow: Prosveshchenie, pp. 13–19.
- Zherebilo, T.V. (2005) Slovar' lingvisticheskikh terminov. Issue 4. Nazran: OOO «Piligrim». 610 p. (In Russ.)
- Krushevskii, N.V. (1883) Ocherk nauki o yazyke. Izvestiya i uchenye zapiski Imp. Kazan. universiteta. Kazan, T. X. January-April. (In Russ.)
- Makovskij, M.M. (1982) Anglijskie social'nye dialekty (ontologiya, struktura, etimologiya). Moscow: Vysshaya shkola. 135 p. (In Russ.)
- Malakhov, A.S. (2013) Russkaya dialektologiya: teoriya i praktika. Vladimir: Izd-vo VIGU. 234 p.
- Rovnova, O.G. (2010) Idei georusistiki glazami dialektologa. Georusistika. Pervoe priblizhenie. Ed. by A.N. Rudyakov. Simferopol: Antikva, pp. 50–68. (In Russ.)
- Rudyakov, A.N. (2016) Georusistika: russkij yazyk v global'nom mire. Moscow: LEKSRUS. (In Russ.)
- Rudyakov, A.N. (2019) Gosudarstvennyj yazyk i rodnoj yazyk: vremya opredelit' ponyatiya. Perspektivy i vyzovy yazykovoj politiki i yazykovoj situacii v Krymu. Materialy Mezhdunarodnogo kruglogo

- stola (Moscow, 05–06 November 2019). Available at: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2019/2019_crimea_collection.pdf. Access date: 28.09.2020. (In Russ.)
- Rudyakov, A.N. (2012) Yazyk, ili pochemu lyudi govoryat: opyt funkcional'nogo opredeleniya estestvennogo yazyka. Issue 22. Moscow: Flinta. 161 p. (In Russ.)
- Slovar' sociolingvisticheskikh terminov (2006) Ed. by V.Yu. Mikhalchenko. Moscow: Institut yazykoznananiya RAN. 313 p. (In Russ.)
- Sokolovskaya, Zh.P. (1990) Problemy sistemnogo opisaniya leksicheskoy semantiki. Kiev: Naukova dumka. 183 p. (In Russ.)
- Solntsev, V.M. (1971) Yazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie. Moscow: Nauka. 294 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu.S. (1966) Osnovy yazykoznananiya. Moscow: Prosveshchenie. 274 p. (In Russ.)
- Filosofskij enciklopedicheskij slovar'. Ed. by: L.F. Iljichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. Moscow: Sovetskaya enciklopediya. 840 p. (In Russ.)
- Shaibakova, D.D. (2016) Yavlyaetsya li russkij yazyk plyuricentricheskim? PRZEGLAD WSCHODNIOEUROPEJSKI VII/2, pp. 257–268. (In Russ.)

Рудяков Александр Николаевич — доктор филологических наук, профессор, ректор Крымского республиканского института постдипломного педагогического образования.
Адрес: 295000, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ленина, 15. Эл. адрес: krippa@krippa.ru

---

Для цитирования: Рудяков А.Н. О понятийном аппарате и гносеологических основах современной лингвистики: георусистика, «национальные варианты русского языка», социорусистика [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2020, No 2(2), С.150–167. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-150-167

For citation: Rudyakov A.N On the conceptual apparatus and the gnoseological bases of modern linguistics: georusistics, “national variants of the Russian language”, sociorusistics [Electronic resource]. Sociolinguistics, 2020, no. 2(2) [online], pp. 150–167 (In Russ.). DOI: 10.37892/2713-2951-2020-2-2-150-167